ФІЛОСОФІЯ

УДК 1(091) (141.113/119)

Данканич А. С.,
кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
Днепровский национальный университет им. Олеся Гончара
(Днипро, Украина), E-mail: artem_dankanich@yahoo.com

ПОНЯТИЕ ОТЧУЖДЕНИЯ В ФИЛОСОФИИ ПАУЛЯ ТИЛЛИХА

Аннотация. *Широко известно, что главная задача Пауля Тиллиха состояла в том, чтоб представить новую интерпретацию христианства в XX веке. По этой причине, философ обращает внимание на то, что такое понятие христианского вероучения как «грех» утратило свою выразительность. Для того чтобы обеспечить основательное понимание греха в XX веке, крайне важно придать ему нового звучания. Согласно Паулю Тиллиху, экзистенциализм позволяет интерпретировать христианскую традицию на понятном языке современному секулярному человеку.*

Ключевые слова: *отчуждение, грех, падение, традиция, теология, интерпретация, понятие.*

Европейская философская мысль XIX–XX столетий, как известно, оперировала множеством категорий и понятий. Тем не менее, однако, на фоне общего философского словаря того периода, пожалуй, одно понятие заметно выделяется, а именно: «Entfremdung» (отчуждение). Генетически понятие «Отчуждение» восходит к социальной философии эмпириков и рационалистов Нового времени. Однако, по-настоящему нового звучания это понятие приобрело в немецкой классической философии. Так, в учении И. Фихте отчуждение выступает в качестве опредмечивания, у Г. Ф. В. Гегеля как самоотчуждение абсолютного духа, у Ф. Шеллинга как обуславливание. Особое внимание категории отчуждения уделено в учениях Л. Фейербаха и К. Маркса. При этом важно отметить, что понятие отчуждения с самого начала его артикуляции в рамках философских учений, нашло живой отклик и у христианских теологов и мыслителей. Особое место среди христианских мыслителей и теологов, исследовавших понятие «Entfremdung» в XX веке занимает виднейший представитель немецкой традиции философствования – Пауль Иоханнес Тиллих. По этой причине, целью настоящей статьи является исследование понятия «Entfremdung» (отчуждения) в учении П. Тиллиха.

Тиллиховская программа, болем известная как экзистенциально-герменевтическая интерпретация основных символов христианской традиции, имела своей целью придания им нового звучания. Такая программа, с точки зрения П. Тиллиха, была призвана «дать новую интерпретацию традиционных религиозных символов и теологических понятий»… Мыслитель отмечает, что такие термины, как «грех» и «суд» утратили не свою истинность, а скорее силу выразительности, которая может быть заново обретена только в том случае, если понятия эти будут наполнены такими знаниями о человеческой природе, которыми, с точки зрения П. Тиллиха, обладают экзистенциализм и психоанализ [3, с. 28].

Мыслитель показывает, что, несмотря на то, что отчуждение – понятие небиблейское, оно имплицитно присутствует в большинстве библейских описаний тяжелого состояния человека. В Библии оно показано в символах изгнания из рая, враждой между человеком и природой, враждой между братом и братом, отчуждением народа от народа из-за смешения языков, непрестанными сетованиями пророков на своих царей и на народ, обратившийся к чужим богам. В Новом Завете отчуждение имплицитно содержится в словах апостола Павла о том, что человек исказил образ Божий, превратив его в образ идольский. Во всех этих интерпрета-

циях бедственности человека, полагает мыслитель, имплицитно утверждается отчуждение. Именно поэтому П. Тиллих считал возможным употребление термина «отчуждение» для описания экзистенциальной ситуации человека конечно. Фактически опору для толкования греха как отчуждения П. Тиллих находил в истоках библейской традиции. Вместе с тем, П. Тиллих не считал вполне возможным термином «отчуждение» заменить собой понятие «грех». Когда апостол Павел говорил о «грехе», то употреблял он это понятие в единственном числе. «Грех» в понимании апостола Павла выступал в качестве квазиличной силы, правящей миром. В христианской же церкви термин «грех» употреблялся во множественном числе. Сам грех считался отклонением от морали. Такой подход к рассмотрению греха, который имел место и в католической, и в протестантской традициях, не имеет коннотаций с «грехом» как с состоянием отчужденности. Именно поэтому П. Тиллих грех рассматривает как «отчуждение». С точки зрения мыслителя, термин «отчуждение» подразумевает и предполагает новую интерпретацию греха с религиозной точки зрения. Непосредственно грех, считает П. Тиллих, выражет то, что не вмещает семантическое наполнение концепта «отчуждение». Грех выражает личностный акт отхода от того, чему принадлежит человек, а также личностный характер отчуждения, свободу и вину в противовес универсальному характеру отчуждения [3, с.46]. П. Тиллих пишет: «Бедственность человека – это отчуждение, но его отчуждение – это грех» [3, с. 46].

Согласно П. Тиллиху, состояние существования – это состояние отчуждения, в котором человек актуализировал свою свободу. Человек отчужден, считает мыслитель, не только от основания своего бытия, но и от других сущих, и от самого себя. Переход от сущности к существованию приводит к такому результату, который утверждает личную вину и трагедию универсального характера. Вместе с этим абсолютно закономерно возникает вопрос в отношении того, как философское понятие отчуждения соотносится с понятием греха христианской традиции? П. Тиллих справедливо указывает, что «Отчуждение» как философский термин принадлежит Г. Ф. В. Гегелю. Его разработка и применение прусским философом относилась к учению о природе, где одним из ключевых положений выступало положение об отчужденном духе (Geist). Однако, по мнению П. Тиллиха, Г. Ф. В. Гегель открыл отчуждение задолго до своего учения о философии природы. П. Тиллих пишет: «В своих ранних работах он описывал жизненные процессы, будучи изначально едиными, тем не менее, искаженными посредством разделения на объектность и субъектность и подменой любви законом. Именно это понятие отчуждения, а не то, которое содержится в его философии природы, его ученики, включая Маркса, использовали против Гегеля [3, с. 45]. Согласно П. Тиллиху, младогегельянцы отвергли тот тезис прусского мыслителя, согласно которому отчуждение преодолено примирением в истории. Они полагали, что индивид отчужден и не примирен, общество отчуждено и не примирено, а само существование – это отчуждение. Опираясь на эти воззрения, они стали революционерами, взбунтовавшимися против того мира, который существовал, и были экзистенциалистами задолго до начала XX века [3, с.45]. Согласно П. Тиллиху, отчуждение (в том смысле, в котором его использовали антигегельянцы) указывает на базисную характеристику бедственности человека. Человек, каким он существует, – это не тот человек, каким он сущностно является и каким должен быть. Он отчужден от своего подлинного бытия. Глубина термина «отчуждение» объясняется той его импликацией, согласно которой человек сущностно принадлежит тому, от чего он отчужден. Человек не чужд своему истинному бытию, поскольку он ему принадлежит. Человек подлежит суду этого бытия, хотя и не может полностью отделиться от него даже и в том случае, если он ему враждебен. Враждебность человека Богу неопровержимо доказывает то, что человек ему принадлежит. Где есть возможность ненависти, показвает П. Тиллих, там и только там есть возможность

любви.

Таким образом, П. Тиллих предлагает внести в христианское понятие «грех» новую коннотацию и семантический оттенок. Грех как отчуждение – это не преступление религиозных правил и нравственных предписаний, это сущностная характеристика актуализированного творения, в котором имеет место парадоксальный характер. Творение и отчуждено, и сотворено, свято и грешно, соучаствует в Боге как основании своего бытия и отчуждается от Него. Мыслитель был глубоко убежден в том, что термину «грех» необходимо придать новую религиозную интерпретацию. Ключевым инструментом в такой герменевтической программе как раз и есть термин «Отчуждение». С точки зрения П. Тиллиха, в новой интерпретации нуждаются и другие концепты хамартирологии: «первородный грех» и «наследственный грех». Основательная разработка и интерпретация понятия греха была представлена П. Тиллихом в третьей части «Систематической теологии» под названим «Существование и Христос».

Грех как отчуждение мыслитель рассматривает в качестве следующей структуры: отчуждение как «неверие» (Estrangement as «Unbelief»), отчуждение как hubris (ύβρις) (Estrangement as «Hubris»), отчуждение как «вожделение» (Estrangement as «Concupiscence»). Другими составляющими тиллиховской герменевтики греха как отчуждения выступают отчуждение как факт и акт (Estrangement As Fact and Act) и отчуждение как: индивидуальное и коллективное (Estrangement Individually and Collectively).

Так, уже в Аугсбургском исповедании грех определяется как состояние человека, который исполнен неверия и вожделения (sinefide erga deum et cum concupiscentia). С двумя указанными выражениями отчуждения П. Тиллих коннотирует третье, hubris (ύβρις) – духовный грех гордыни или самопревозношения, который Блаженный Августин и М. Лютер рассматривали как предшествующего так называемому чувственному греху. Согласно П. Тиллиху, есть три понятия отчуждения человека: «Неверие» «Unbelief», «Вожделение» «Concupiscence», и грех превозношения – Hubris. Первичное убеждение П. Тиллиха состояло в том, что каждое из указанных понятий необходимо интерпретировать и вместе с тем показать и исследовать экзистенциальную бедственность человека.

В рамках христианской традиции учение о грехе именуется как хамартиология, которое концептуализирует природу и сущность греха, его типологию. В христианской традиции грехопадение, как показывает К. Ранер, может распознаваться на двоякой основе. С одной стороны, вина универсально определяет ситуацию свободы каждого человека и потому в человеческой истории эта определенность познается как исходная. С другой стороны, в истории Откровения и спасения растет рефлексивное понимание сущности отношения между Богом и людьми. Первородный грех, отмечает К. Ранер, обозначает историческое описание нашей сегодняшней, определенной виной, универсальной и не поддающейся изменению ситуации свободы [1, с. 157–158]. Протестантский теолог Г. Тиссен, рассматривая вопрос грехопадения, выделяет его ключевые положения, к которым теолог относит следующие: грех не является вечным, он не порожден конечностью и смертностью человека, грех не возник в чувственности. Согласно Г. Тиссену, грех произошел в результате свободного поступка Адама. Грех выступает в качестве действия и принципа, вины и осквернения, он есть универсальной проблемой. Целый ряд мест Священного Писания свидетельствует об универсальном характере греха [3, с. 206]. Вся классическая апологетика исходит из того, что некогда человек имел единство общения с Богом. Но в результате согрешения он был отринут от Божественного общения. В результате он стал конечным, смертным, ограниченным, испытывающем страх. Но Бог в системах теодицеи не был ответственным за выбор человека и его актуализацию своей свободы.

К первому виду греха как отчуждения мыслитель относит отчуждение как «не-

верие» (Estrangement as «Unbelief»). «Неверие, – пишет мыслитель, – это первое свидетельство отчуждения, а его характер делает термин «отчуждение» оправданным. Неверие человека – это его отчуждение от Бога в центре своего бытия. Таково религиозное понимание греха в том смысле, в каком оно было вновь открыто реформаторами и вновь (по большей части) утрачено в жизни и мышлении большинства протестантов» [3, с. 48].

Для Августина единство человека с Богом может быть восстановлено благодаря мистической природе благодати через посредничество церкви, литургии, таинств. Благодать как проявление любви является той силой, которая преодолевает отчуждение. Именно потому, показывает мыслитель, для Августина и для Римско-католической церкви любовь обладает приматом как в хамартирологии, так и в сотериологии. В эпоху Реформации М. Лютер и его последователи выдвинули новый уровень осмысления отчуждения, которое преодолевается личностным примирением с Богом. Однако, несмотря на столь глубокое различие, полагает мыслитель, они были едины в понимании религиозного характера греха (в том виде, в каком он выявлен в термине «отчуждение»). Мыслитель считает, что первый признак отчуждения – неверие – включает в себя не-любие. Грех – это вопрос человеческого отношения к Богу. Грех, считает мыслитель, не коннотируется с церковными, нравственными общественными авторитетами. В понимании П. Тиллиха, грех – это понятие религиозное, но религиозное не в том смысле, в каком оно используется в экклесиологическом контексте, а в том смысле, в каком оно указывает на отношение человека к Богу как в терминах отчуждения, так и потенциального воссоединения [3, с. 49].

На следующем уровне П. Тиллих рассматривает отчуждение как Hubris (ὑβρις) (Estrangement as «Hubris»). Термин «Hubris», показывает мислитель, не имеет адекватного перевода и аналогов в европейских языках. Он выражает ту реальность, которая описана не только в античной трагедии, но и в Ветхом Завете. Мыслитель считает, что «наиболее ясно смысл этого понятия выражен в том обещании, которое змей дал Еве: он пообещал, что вкушение от древа познания сделает людей равными Богу»[3, с. 49]. «Hubris» – это самовозвышение человека в область Божественного. Понятие «Hubris», П. Тиллих переводит как «самовозвышение». «Hubris», – говорит П. Тиллих, в истории христианской традиции называли «духовным грехом», из которого выводили все другие формы греха, включая чувственные. «Hubris» это – грех в его всеобъемлющей форме, обращение к себе как к центру самого себя и своего мира. Главной характеристикой «Hubris» является то, что человек не признает своей конечности. Он отождествляет частичную истину с истиной предельной [3, с. 50].

Переходим к рассмотрению отчуждения как вожделения Estrangement as «Concupiscence». Согласно мыслителю, каждый человек, который занимает место между конечностью и бесконечностью, отделен от целого и желает воссоединения с ним. Человек, говорит П. Тиллих, неустанно желает достичь неограниченного изобилия, он жаждет вобрать в себя всю полноту реальности. Вне зависимости от форм бытийствования: физической, половой, материальной, духовной – человек желает обладать миром. Обращаясь к истории христианской традиции, мыслитель приводит пример Августина и М. Лютера, которые отождествляли вожделение с сексуальным желанием. Если у Августина такое понимание было в какой-то мере закономерным, учитывая его неоплатонизм, то у реформаторов, показывает мыслитель, появление этой традиции в теологии и этике было крайне непоследовательным. Вследствие такого толкования вожделения оно утрачивало свой подлинный глубинный смысл и коннотации. Амбивалентностное восприятие вожделения в истории церкви привело к тому, что она не была способна адекватно рассмотреть эту проблему ни в этическом, ни в религиозном поле. Однако вожделение в его всеобъемлющем смысле, с точки зрения П. Тиллиха, можно увидеть

в экзистенциализме, искусстве, философии, психологии. С. Кьеркегор, описывая образ Нерона, моцартовского Дон Жуана, показывает, что они воплощают демонические импликации неограниченной власти [3, с. 53].

Безусловно, неограниченный характер влечения к знанию, сексу и власти и делает их симптомами вожделения. Эта мысль была разработана, показывает П. Тиллих, представлена в ницшеанской «воле к власти» и фрейдовском «либидо». Эти понятияспособствовали новому открытию того, о чем говорило христианское понимание бедственного характера человека. Однако, показывает мыслитель, и либидо З. Фрейда, и воля к власти Ф. Ницше игнорируют контраст между эссенциальным и экзистенциальным бытием, интерпретируя человека исключительно в терминах экзистенциального вожделения. С точки зрения П. Тиллиха, ни либидо само по себе, ни воля к силе сама по себе вожделения не характеризуют. Они становятся выражениями вожделения и отчуждения тогда, когда они не соединены с любовью и потому не имеют определенного объекта [13, с. 53].

Классическая теология, показывает П. Тиллих, различала грех первородный и грех актуальный. «Первородный грех» – это акт Адамового непослушания и та предрасположенность к греху, которая посредством этого акта возникла в каждом человеке. В христианской традиции падение Адама развратило род человеческий, и именно поэтому человечество находится в состоянии отчуждения. Теперь грех настигает каждого человека, он обладает качеством универсальности. Адама следует понимать как человека, осуществившего переход от сущности к существованию. Первородный или наследственный грех, по мнению мыслителя, является универсальной судьбой отчуждения каждого человека. Грех, по мнению мыслителя, изначально был универсальным фактом и только потом актуализировал себя на уровне универсального факта отчуждения. Грех – это дело свободы личности, а эта свобода в свою очередь сопряжена с универсальным фатумом отчуждения [3, с. 56].

Отчуждение как факт, по мнению мыслителя, интерпретировалось в детерминистских терминах на разных уровнях. На физическом – механистическим детерминизмом, на биологическом – теориями угасания биологической жизни, на психологическом – как принудительная сила бессознательного, на социологическом – как результат классового господства. Однако, считает П. Тиллих, ни одно из этих объяснений не принимало во внимание чувства личностной ответственности, которую ощущает человек в процессе актуализации.

С библейских времен, заключает мыслитель, церковь дифференциировала актуальные грехи на смертные и простительные, исходя из уровня их глубины. Уже позже были определены капитальные грехи. В каждом греховном акте церковь определяет меру личностного участия и вины. Однако, заключает мыслитель, взятая в совокупности вся система количественно-относительных градаций становится безрелигиозной в тот момент, когда ее прилагают к отношению человека и Бога. В Протестантизме этот вопрос рассматривался как по отношению к греху, так и по отношению к благодати. Реформаторы считали, что есть только «грех», то есть отвращение от Бога и от Его божественной благодати. Грех – это отчуждение, а благодать-примирение. Поскольку примиряющая благодать Бога безусловна, человек не может оценивать свое собственное состояние вины. Он уверен во всецелом прощении даже в ситуации всецелой вины. И именно в этом заключена утешающая сила протестантского понимания греха и благодати касательно отношения человека к Богу [3, с. 57].

Таким образом, в понятие «грех» П. Тиллих вкладывает новое содержание: где грех как отчуждение мыслитель рассматривает в трех измерениях:1) отчуждение как «неверие» (Estrangement as «Unbelief»), 2) отчуждение как «самовозвышение» hubris (ὕβρις) (Estrangement as «Hubris»), 3) отчуждение как «вожделение» (Estrangement as «Concupiscence»). Грех, согласно П. Тиллиху выступает как от-

чуждение, которое становится возможным в результате человеческого падения. Главная же задача теологии состоит в том, чтобы ясно и неамбивалентно представлять падение в качестве символа универсальной человеческой ситуации, поскольку акт падения – универсален, динамичен, это не событие прошлого, которое случилось однажды, оно сопровождает человека на протяжении всей истории его бытийствования. Мыслитель считал, что не неподчинение закону делает акт греховным. Таковым он становится только тогда, когда выражает отчуждение человека от Бога, от людей, и от самого себя. Именно поэтому Павел называет грехом все, что не проистекает из веры, из единства с Богом. В другом контексте это понимание выражает себя в том законе любви, которым преодолевается отчуждение и который есть сумма всех законов. Только любовь как стремление к воссоединению расколотого есть антипод отчуждению. Вера и любовь побеждают грех, а вместе с ним и преодолевают отчуждение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Ранер К. Основание веры. Введение в христианское богословие. – Пер. с нем. (Серия «Современное богословие»). – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. – 662 с.
2. Тиссен Г. К. Лекции по систематическому богословию. – СПб.: Изд-во христианского общества «Библия для всех», 1994. – 448 с.
3. Tillich P. Systematic Theology. 3 vols. – Chicago: University of Chicago Press, Digswell Place 1951-63. – 442 p.

REFERENCES:

1. Raner K. Osnovanie very. Vvedenie v khristianskoe bogoslovie [Foundations of faith. Introduction to Christian theology]. – Per. s nem. (Seriya «Sovremennoe bogoslovie»). – M.: Bibleysko-bogoslovskiy institut sv. apostola Andreya, 2006. – 662 s.
2. Tissen G. K. Lektsii po sistematicheskomu bogosloviyu [Lectures in systematic theology]. – SPb.: Izd-vo khristianskogo obshchestva «Bibliya dlya vsekh», 1994. – 448 s.
3. Tillich P. Systematic Theology. 3 vols. – Chicago: University of Chicago Press, Digswell Place 1951-63. – 442 p.

Данканіч А. С., кандидат філософських наук, викладач кафедри філософії, Дніпровський національний університет ім. Олеся Гончара (Дніпро, Україна) E-mail: artem_dankanich@yahoo.com

Поняття Відчуження у філософії Пауля Тілліха.

Анотація. *Широко відомо, що головне завдання Пауля Тілліха полягало в тому, щоб надати нову інтерпретацію християнства в XX столітті. З цієї причини, філософ звертає увагу на те, що таке поняття християнського віровчення як «гріх» втратило свою виразність. Для того щоб забезпечити грунтовне розуміння гріха в XX столітті, особливо важливо надати йому нового звучання. Згідно Паулю Тілліху, екзистенціалізм надає можливість тлумачити християнську традицію сучасній секулярній людині на зрозумілій їй мові.*

Ключові слова: *відчуження, гріх, гріхопадіння, традиція, теологія, інтерпретація, поняття.*

Dankanich A., PhD in philosophical science, associate professor, Oles Honchar Dnipro National University (Dnipro, Ukraine), E-mail: artem_dankanich@yahoo.com

The concept of Estrangement in philosophy of Paul Tillich

Abstract. *It is widely known that the main task of Paul Tillich is to present completely new interpretation of Christianity in XX century. For this reason, philosopher pays attention that the chrisitian concept of sin has lost an expressive power. In order to provide an authentic understanding of the sin in XX century, it is essential to make a new relevance to it. According to Paul Tillich, existentialism makes possible a new interpretation of the Christian tradition which can be understood to modern and secular man.*

Keywords*: estrangement, sin, fall, tradition, theology, interpretation, concept.*